

Ван Чжэнь впервые не смог разгадать мысли своего младшего ученика. Поразмыслив мгновение, он произнес:

— Не знаю, что за нелепица пришла тебе в голову, но, Цзинцзэ, похоже, снегопад снаружи утихнет еще не скоро.

Они подошли к окну и распахнули створки. И впрямь — снег уже лег толстым слоем, на глаз чуть ли не по лодыжку. Тан Шэнь хотел вернуться к себе, но один, разумеется, дороги бы не нашел — требовалось, чтобы Ван Чжэнь провел его лично. Однако в такую метель сам Тан Шэнь еще мог упрямо шагать сквозь снегопад, но беспокоить Ван Чжэня и просить провести его было неловко.

— Почему бы тебе не остаться на ночь? — предложил Ван Чжэнь.

Другого выхода не оставалось, и Тан Шэню пришлось ответить:

— В таком случае потревожу тебя, старший брат.

Услышав это, Ван Чжэнь одарил Тан Шэня многозначительным взглядом, но ничего не сказал.

Уже миновал час Крысы. Сбросив верхние одежды и оставшись в тонких исподних рубахах, они легли в постель. В комнате было очень тепло, а вот под одеялом согреться удалось не сразу. Будь Тан Шэнь у себя дома, тётушка Яо непременно приготовила бы для него грелку и заранее засунула бы ее под одеяло. Но, к счастью, пусть грелки и не было, в комнате царило тепло, так что согрелся Тан Шэнь довольно быстро.

Ложе оказалось настолько широким, что даже двоим взрослым мужчинам не было тесно, и они не задевали друг друга.

Тан Шэнь прикрыл глаза, но спустя четверть часа сон так и не пришел. Он слышал мерное дыхание Ван Чжэня и решил, что тот заснул, однако сам никак не мог уснуть. Беспокойно покрутившись с боку на бок, он услышал, как в темноте раздался чистый, изысканный голос:

— Младший брат не может уснуть?

— Ты еще не спишь, старший брат? — удивился Тан Шэнь.

— Угу.

— А я подумал, что ты уже заснул.

Раз уж оба не спали, разговор завязался вновь.

Тан Шэнь заговорил о досадных ситуациях, с которыми сталкивался во Дворце Циньчжэн, разбирая доклады для Чжао Фу. По правилам чиновникам строго воспрещалось разглашать содержание государевых бумаг, однако в этой комнате находились двое чиновников, отлично знавших друг друга и пользовавшихся высокой милостью государя.

Тан Шэнь выбрал пару безобидных историй. К примеру, когда пара месяцев оставалась до дня рождения Чжао Фу, один местный чиновник три месяца подряд строчил прошения, вымаливая позволение лично прибыть в Шэнцзин и поздравить государя. Чжао Фу до того исчерпал терпение, что в конце концов едва не прямым текстом велел тому убираться с глаз долой. Однако тот чиновник будто не понимал человеческого языка и упрямо продолжал слать

доклады, доказывая свою верность.

— Нашел ли ты себе близких сослуживцев во Дворце Циньчжэн? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь на миг умолк, а затем ответил:

— Разве ближе всех мне не ты, старший брат?

Высшее искусство льстивых речей — расточать их незаметно, подобно тихому весеннему дождю.

Господин Тан ведал в этом толк намного лучше Губернатора Цзя из Гусу, которому до него было невероятно далеко.

Ван Чжэнь ненадолго смолк и вдруг тихо рассмеялся.

Тан Шэнь изумился: «Неужели комплимент не удался? Да не может быть!»

Внезапно стопа Тан Шэня случайно задела что-то теплое. Смех Ван Чжэня тут же оборвался, Тан Шэнь тоже замер. Он инстинктивно хотел отстраниться, понимая, что коснулся ноги Ван Чжэня, но тот произнес:

— Мне сейчас пришло на ум одно выражение.

— Какое? — спросил Тан Шэнь.

— «Спать, соприкасаясь стопами». Младший брат, ты касаешься моих ног, и мы спим вместе — разве это не спать, соприкасаясь стопами?

Тан Шэнь не знал, смеяться ему или плакать. Поразмыслив, он подогнул колени и слегка задел колено Ван Чжэня. Ван Чжэнь на миг опешил, а Тан Шэнь, скопировав его тон, произнес:

— А мне в этот миг тоже кое-что вспомнилось: «беседовать соприкасаясь коленями». Старший брат, мы касаемся коленями и ведем полуночный разговор — разве это не беседа соприкасаясь коленями?

Ван Чжэнь улыбнулся:

— А мне опять пришло на ум выражение: «спать на одном ложе, но видеть разные сны». Младший брат спит со мной на одной постели, но нам суждено видеть разные сны — разве это не спать на одном ложе, но видеть разные сны?

«Ты намекаешь, что мы не единомысленны, и намеренно предостерегаешь меня?» — подумал Тан Шэнь.

Разве мог Тан Шэнь позволить своей главной опоре делать такие выводы? Он выпалил без раздумий:

— Старший брат, ты не прав! По-моему, тут гораздо точнее подойдет «дележ одного одеяла и одной подушки». Мы с тобой укрыты одним одеялом и спим на одной подушке — разве это не делить одно одеяло и подушку?

Слова утихли, и в комнате воцарилась тишина. Ван Чжэнь ничего не ответил.

Тан Шэнь опешил. Он почувствовал, что сказанул лишнего, но никак не мог понять, в чем промахнулся. Только что ведь атмосфера между ними была такой гармоничной, отчего же все так резко изменилось?

Тан Шэнь приподнял голову и осторожно посмотрел на Ван Чжэня.

Глаза уже привыкли к темноте. Лунный свет, отражаясь от белоснежного снега, пробивался сквозь тонкую бумагу окна. В этом туманном сиянии Тан Шэнь увидел темные глаза Ван Чжэня, молча устремленные на него. Встретившись с ним взглядом, Тан Шэнь шевельнул губами, в горле у него внезапно пересохло.

Спустя долгое время он услышал тихий вздох Ван Чжэня:

— Выражение о дележе одеяла и подушки ты употребил неверно. В «Тайпин гуанцзи» сказано, что Пань Чжан и Ван Чжунсянь полюбили друг друга с первого взгляда и прониклись чувствами, словно супруги, после чего делили одно одеяло и подушку и жили в бесконечной любви.

В голове у Тан Шэня загудело, он застыл как вкопанный. Рот его приоткрылся, но не вырвалось ни слова.

Голос Ван Чжэня звучал неторопливо:

— Чувства, подобные супружеским... неужели это про нас с тобой, младший брат? Пань Чжан и Ван Чжунсянь — оба мужчины, и это была любовь Лунъяна. Любовь Лунъяна... Стало быть, Цзинцзэ, у тебя ко мне Страсть Лунъян?

Тан Шэнь: «...»

Тысячи мыслей хлынули в голову. Тан Шэнь сгорал от стыда и досады, проклиная свою феноменальную память за то, что ляпнул это выражение! Из стольких идиом почему он выставил именно эту?! Теперь Ван Цзыфэн загнал его вопросом в тупик, и любое слово было не к месту.

Спустя долгое время Тан Шэнь натянул одеяло с головой и глухо пробурчал:

— Я еще не достиг совершеннолетия, я еще ребенок и плохо учился. Старший брат, не надо надо мной насмехаться.

— Ребенок? — Ван Чжэнь издал мягкий, приятный смех.

Тан Шэнь: «...»

Ван Чжэнь больше ничего не сказал.

И все же, пылая стыдом и досадой, Тан Шэнь незаметно для себя действительно заснул.

На следующее утро Тан Шэнь открыл глаза и обнаружил, что Ван Чжэнь еще спит.

Какая редкость! Он встал раньше Ван Цзыфэна и застал его отсыпающимся!

Тан Шэнь бесшумно слез с постели и быстро оделся. Снег снаружи прекратился, рассвело, так что и без помощи Ван Чжэня он мог отыскать дорогу в свою гостевую комнату. Не мешкая, Тан Шэнь тихо толкнул дверь и вышел. Однако едва он переступил порог спальни и повернул

голову, как увидел слугу с тазом воды в руках.

Слуга стоял у ворот двора. Увидев выходящего из комнаты Тан Шэня, он шокированно вытаращил глаза и огляделся по сторонам, проверяя, не ошибся ли он двором и действительно ли пришел в покои старшего молодого господина.

Заметив испуганный вид слуги, Тан Шэнь слегка нахмурился, почувствовав неладное. Подойдя к нему, он спросил:

— Не подскажешь, как пройти к двору, где я остановился?

Слуга в смятении указал дорогу.

Тан Шэнь кивком поблагодарил его и по тропинке отправился к себе.

Слуга с тазом застыл в нерешительности, не зная, заходить ли в дом или бежать к ведающему домашними делами третьему господину с вопросом, как поступить. Впрочем, тут же он усомнился: господин Тан выходил из комнаты бодрым и легким шагом, не похоже было, чтобы... что-то произошло.

Неужели... их старший молодой господин?..

Слуга снова с ужасом оцепенел.

В этот момент дверь изнутри отворилась, и Ван Чжэнь в темном одеянии произнес:

— Входи.

— Слушаюсь, — ответил слуга.

Ван Чжэнь ополоснул рот, умылся и, тщательно вытерев руки горячей водой, спросил у слуги:

— Видел ли ты что-нибудь сегодня утром?

Слуга почтительно ответил:

— Отвечая старшему молодому господину, ничтожный видел...

Ван Чжэнь с мягкой улыбкой посмотрел на него.

Слуга замер и медленно выговорил:

— Ничтожный ничего не видел и не понимает, о чем изволит говорить старший молодой господин...

Ван Чжэнь тихо вздохнул:

— Идем в передний зал.

Позавтракав, Тан Шэнь раскланялся с Ван Чжэнем и вместе со своим книгоношей покинул Клан Ван из Ланъя. Он ни за что не желал оставаться дольше, да и Ван Чжэню после полудня следовало возвращаться в Шэнцзин, так что задерживать его было неудобно. Провожая Тан Шэня и глядя издали на его удаляющуюся спину, Ван Хуэй указал пальцем и произнес:

— Не похож ли он на человека, спасающегося бегством?

Ван Чжэнь равнодушно взглянул ему вслед:

— Отчего четвертый дядя так говорит?

Ван Хуэй молвил:

— Я слышал, сегодня слуга отправился в отдельный двор передать господину Тану вещи, но в комнате никого не было, и даже его книгоноша не знал, куда тот делся. Цзыфэн, ты не знаешь, где он пропал?

Ван Чжэнь тихо засмеялся и покачал головой, словно сокрушаясь о том, что его так редко ловят с поличным.

Ван Хуэй спросил:

— Так это точно он?

Сказывая это, он выглядел предельно серьезно, и в его взгляде не осталось ни капли шутливости.

<http://bllate.org/book/18292/1754565>